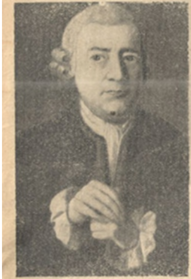
БАСКЕРВИЛЛЬ И ЕГО ШРИФТЫ
BASKERVILLE AND HIS TYPES

Краткий очерк Джона Ч. Тарра о работе одного из лучших английских словолитчиков



Джон Баскервилль. 1706—1775

Джон Баскервилль родился в 1706 году, но, только достигнув преклонного возраста — пятидесяти лет, занялся созданием новых шрифтов.

Подобно Вильяму Каслону, он не обучался этому ремеслу у других словолитчиков.

Новейшие изыскания говорят нам, что в молодые годы Баскервилль не был ни лакеем у пастора в Кингз Нортоне, ни учителем чистописания (хотя он вообще и давал уроки письма и счетоводства) в Вольном училище Короля Эдуарда VI в Бирмингаме.

Документальные данные не подтверждают этих фактов, считавшихся до недавнего времени непреложными.

Можно добавить к достоверно известным обстоятельствам его жизни то, что в возрасте 16—19 лет он овладел искусством каллиграфии. Сам он говорит о себе, что «с юных лет питал пристрастие к каллиграфии».

Эта склонность и побудила его сделаться профессиональным писцом, затем гравером, а в дальнейшем выдающимся словолитчиком и типографом.

Приблизительно в 1738 году Баскервилль заинтересовался лакировочным производством и в 1742 году ходатайствовал о выдаче ему Королевского ремесленного патента. С тех пор росла о нем слава мастера лакированных и других чайных подносов и прочих изделий.

Прошло двенадцать лет. Баскервилль сколотил состояние, которое оценивалось в 12 000 фунтов стерлингов, завел лакированный экипаж и носил гофрированные манжеты из золотых кружев.

В 1750 году Баскервилль начал свои первые опыты по созданию шрифтов и печатанию; он привлек к этому делу гравера Джона Хэнли.

В своем предисловии ко второй изданной им книге — «Потерянный рай» Мильтона, вышедшей в 1758 году, — Баскервилль так объясняет свои стремления:

«В числе ремесленных искусств, привлекавших мое внимание, никаким другим я не занимался с таким прилежанием и удовольствием, как созданием новых шрифтов.

Восхищаясь с давних пор красотой печатных знаков, я постепенно проникся желанием в меру своих сил усовершенствовать их. Я работал над приданием им более точных очертаний, чем у других существовавших до сих пор шрифтов, и постарался создать набор литер, которые, по моему замыслу, должны были обладать свойством истинной пропорциональности.

Г-н Каслон — художник, которому очень многим обязана наука; его изобретательность в создании литер, больше чем искусство всех других мастеров, пробудила во мне дух соревнования.

Правда, я не склонен подражать ему в создании большого разнообразия шрифтов.

До сих пор я испытал свои силы только в создании прямого шрифта и курсива; и если г-н Каслон оставил в этой области место для дальнейшего усовершенствования, очевидно, это произошло только благодаря тому, что его внимание было поглощено стремлением к большому разнообразию.

Я чту его достижения и для себя хотел бы снискать небольшое признание в искусстве, которое, как случаю было угодно, стало поприщем для нас обоих.

После многолетних трудов, вложив немалую долю своего состояния во имя возвышения этого искусства, могу сказать, что я испытываю превеликое удовлетворение от того, что мое издание Виргилия было принято столь благосклонно.

При этом не были оставлены без внимания усовершенствования качества бумаги, цвет и прочность краски, не осталась также незамеченной и тщательность всего издания.

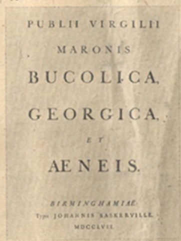
Если люди требовательные и нашли некоторые несовершенства в нашей первой попытке, надеюсь, настоящая работа покажет, что их критические замечания были должным образом учтены. Одно могу сказать с уверенностью: я отнесся к ним, как и должно быть всегда, с тем уважением, с каким всякий честный человек обязан относиться к мнению публики.

Я не стремлюсь печатать много книг, но лишь книги значительные, исполненные внутреннего достоинства или снискавшие признание, книги, которые публика пожелала бы видеть изящно оформленными, но вместе с тем цена книг должна возмещать необычные усилия и расходы, которые приходится затрачивать на их издание.

Вот почему я стремился осуществить опыт с напечатанием произведения одного из наших лучших английских писателей. Мильтон представился мне наиболее достойным выбора среди них».

Баскервилль сам изготовлял себе в своей мастерской все нужное для печатания — краски, печатные станки, рамы и матрицы для литья.

«Мои станки, — говорит он, — совсем такой же конструкции, как и у других людей.



PUBLII VIRGILII
MARONIS
BUCOLICA,
GEORGICA,
ET
AENEIS.

BIRMINGHAMIAE:
Typis JOHANNIS BASKERVILLE.
MDCCLVII.

Титульный лист произведений Виргилия, изданных Баскервиллем.

Но, пожалуй, они сделаны с точностью наибольшей, с тех пор как изобретено книгопечатание. Поясню: мне удалось изготовить три формы, более совершенные, чем все, которые раньше применялись в словолитных прессах (то-есть сделанные на камне); две первые формы (мои все сделаны из меди, толщиною в дюйм) может приготовить всякий, кто обладает сметкой и умеет внимательно работать; что касается третьей формы, здесь всем типографам приходится полагаться на словолитчика.

Все мои станки были изготовлены дома, под моим непосредственным наблюдением. Судить о качестве всей работы в целом вы сможете по прилагаемому образцу, который получен одним нажатием рычага; при этом крупные литеры были обильно покрыты краской, мелкие литеры — умеренно. Я применяю только одну накладку из самой тонкой фланели, а остальные две или три из вигоньевого сукна».

Кое-кто высказывал предположение о том, что Баскервилль, впервые применивший метод печати на лощеной бумаге (предвестница нашей глазированной бумаги), сам делал бумагу для своих книг; Баскервилль, впрочем, никогда этого не утверждал.

В действительности же он писал, что «бумага очень хорошего качества обходится мне по 27—28 шиллингов стопа»; по другому поводу он тоже заявляет: «Я не могу сам изготовлять бумагу».

Известно однако, что в течение некоторого времени он много экспериментировал с бумагой собственного производства.

Именно знакомство Баскервилля с техникой лакировки зародило в нем идею о том, что «лакированная» бумага окажется лучшим материалом для воспроизведения его тонких шрифтов, чем обычные сорта бумаги того времени.

Для того чтобы устранить сильный натиск при печати, отличавший тогдашнюю книжную продукцию, Баскервилль пропускал каждый свежеотпечатанный лист через стоявшие наготове горячие пластины.

Благодаря такому методу горячего прессования каждый лист приобретал ту глянцевитость, которая отличает книги Баскервилля от всех других издававшихся его современниками.

Многие критиковали книги Баскервилля за то, что они «ослепительно сверкали» в результате применения этого метода в сочетании с очень строгой дозировкой краски.

Совершенно ясно, что такая критика объяснялась завистью; это подтверждается письмом, написанным Вениамином Франклином в 1760 году.

«Позвольте привести вам забавный пример предубежденного отношения многих к вашей работе, — писал Франклин. — Вскоре по моем возвращении мы с одним господином спорили о бирмингамских мастерах. Он при этом заметил, что из-за вас могут ослепнуть все читающие люди в стране, потому что слишком тонкий и узкий рисунок ваших шрифтов болезненен для глаз, и сам он лишь с большим усилием мог читать ваши издания.

— А мне казалось, — возразил я ему, — что вы станете жаловаться на глянцевитость бумаги, которая многим не нравится.

— Нет, нет! — ответил он. — Я об этом слышал, но дело не в этом, беда в форме и линиях самих букв: они по высоте и ширине не больше самой толщины линии литер, в обычной печати столь удобных для глаза.

Как видите, мой собеседник оказался «знатоком». Тщетно пытался я выступить на защиту ваших шрифтов. Он точно знал, о чем говорил, притом ряд других джентльменов из числа его друзей говорили о том же.

Вчера он был у меня в гостях. Мне захотелось проверить его суждения. Для этого я тайком от него сорвал переплет с одной из книг издания г-на Каслона, а затем показал ему эту книгу, выдав за образец вашего издания, привезенный мною из Бирмингама.

Я добавил, что внимательно рассмотрел эту книгу после нашей прошлой беседы и, убей меня Бог, никак не смог обнаружить той диспропорции размеров шрифта, о которой он говорил, и просил его показать мне, что именно он имел в виду.

Он охотно согласился указать мне образцы шрифта и на примере целого ряда литер показал эти так называемые диспропорции. В заключение он заявил, что чтение этого текста снова причинило ему острую боль в глазах.

Я пощадил его, не желая смущать, и не сказал ему, что это был тот самый шрифт, который он читает всю свою жизнь без всякого ущерба для своего зрения. Это был тот самый шрифт, при помощи которого был напечатан труд боготворимого им Ньютона, за чтением которого он провел немало часов.

Больше того, этим же шрифтом напечатана его собственная книга, ибо сам он тоже является литератором, но болезненную диспропорцию в нем он обнаружил лишь после того, когда решил, что это ваш шрифт».

Шрифты Баскервилля можно в известной мере рассматривать как переходные от старинных к современным, причем главное их отличие заключается в горизонтальном, а не наклонном построении.

Серифы более закругленные и более резко очерченные, чем в литерах прежних рисунков, но еще не столь горизонтальные, как в шрифтах «Бодони».

На самом деле литеры Баскервилля, воспроизведенные на умело оформленной странице с разбивкой на 2—3 пункта, «легко воспринимаются глазом благодаря ровности своего рисунка и равномерности краски».

Буквы отлично слагаются в слова; продуманные пропорции прописных литер вполне гармонируют со строчными. Рисунок букв устроен так, что вертикальные и кривые линии поддерживают и дополняют друг друга, а характерная для них ширина и округлость отличают их от жесткого рисунка типичных шрифтов новейшего образца.

Его курсив, пожалуй, несколько хрупок, вместе с тем узость очка и общий характер литеры оставляют весьма приятное впечатление и свидетельствуют о таланте этого человека, который начинал свой жизненный путь учителем чистописания.

Шрифт Баскервилля, которым набрано заглавие настоящего очерка, изготовлен в словолитне акционерного общества «Монотайп». Этот шрифт отлит по образцу литер, выпущенных Баскервиллем в 1734 году, и характерен удлиненной нижней черточкой в литере «Е», открытым кольцом в литере «G», отсутствием перекрестной черточки и средней горизонтали в «W», двухсерифным «C» и удлиненным основанием с точкой, заканчивающим рисунок литеры «J», а также курсивными литерами с обильными украшениями и с перекрестной черточкой в центре «J».

В общей сложности Баскервилль изготовил двадцать три комплекта шрифта, за исключением греческого.

В последние годы жизни он поочередно пытался продать свои шрифты французской Королевской типографии, французской Академии наук, русскому двору, Дании и правительству собственной страны.

Но только после его смерти удалось наконец продать часть шрифтов в Англии, а часть приобрел Бомарше для издания произведений Вольтера.

В эпоху Французской революции этими шрифтами пользовались для печатания официального издания Республики.

A DIGNIFIED
And Useful Face

Обыкновенный Баскервилль от 6 до 72 пунктов

BASKERVILLE 6pt. to 72pt.

LITERATURE
Advertising Types

Курсив Баскервилль от 6 до 72 пунктов

BASKERVILLE ITALIC 6pt. to 72pt.

A FORTUNE
Of the Earth

Черный Баскервилль от 8 до 36 пунктов

BASKERVILLE HEAVY 8pt. to 36pt.

Существующий в России спрос на английские машины и инструменты пробудил интерес к русскому печатанию в Англии. Каталоги и подобного рода коммерческие издания на английском и русском языках необходимы для развития торговых сношений между двумя странами. Для этих наборов на двух языках весьма желательно иметь однородный шрифт для букв латинского и русского алфавитов с целью достижения, на страницах где оба языка встречаются рядом, наибольшей одноформенности и сходства в размерах допускаемых разницей двух алфавитов.

Настоящий шрифт был создан ввиду спроса на механически набранный русский шрифт для пользования с одним или другим из широко употребляемых старых английских шрифтов. Для достижения наибольшей отчетливости, характерные черты литер этого шрифта подчеркнуты поскольку это возможно не нарушая целости общего вида шрифта.

Тонкие линии и чрезмерная однородность букв шрифтов 19-го столетия гораздо больше затрудняют читателя в русском алфавите чем в латинском. Например, слово „пишущий“ представляет из себя ряд выдающихся вертикалей с весьма слабо обозначенными горизонтальными или косыми линиями, соединяющими их в буквы. В новом шрифте слово „пишущий“ гораздо легче разлагается на свои составные буквы. Конечно для читателя хорошо освоенного с буквосочетанием подобных слов преимущества нового шрифта не так значительны, но даже для него чтение облегчается и его зрение менее напрягается подчеркиванием характерных особенностей букв. Для лиц плохо освоенных с языком, и в особенности для незнающих языка — каковыми являются большинство английских наборщиков — возможность легко отличать буквы д л и н п ц ш щ з э от других знаков, является большим преимуществом и будет способствовать быстроте и точности при наборе.

Матрицы для этого нового шрифта имеются для механического набора в двух размерах: меньший может быть вылит в английский кегль 9, или кегль 8 Дидо, больший в английский кегль 11, или кегль 10 Дидо. Только прописные буквы выполнены в кеглях 18, 24 и 36 (английские) для отливки на машине Монотип при ручном наборе. Если на них будет достаточный спрос, другие размеры и курсив будут выполнены позднее.

Образец русского шрифта